

ДЬЯЧКОВ М. В.

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ ПИДЖИНИЗАЦИИ И КРЕОЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ

В последнее время креолистика как специфический раздел теории языковых контактов привлекает все большее внимание исследователей, работающих в самых различных областях языкознания. По-видимому, это объясняется тем, что в процессе пиджинизации и последующей креолизации языка в пределах одного-двух поколений совершаются такие изменения, которые в ходе эволюционного процесса растягиваются на века и тысячелетия. Вследствие этого они нередко оказываются вне поля зрения исследователя, тогда как в процессе пиджинизации и креолизации они вполне могут быть зарегистрированы в материалах полевых исследований. Изучение механизмов и свойств пиджинизации и креолизации языка в состоянии оказать неоценимую помощь в исследовании свойств человеческого языка вообще, соотношения структур языка и мышления, изоморфности или неизоморфности языковых и социально-культурных общностей и т. д.

Между тем, пожалуй, ни в одной области языкознания не существует столь значительной неоднозначности в терминологии и укоренившихся научных предрассудков, как в креолистике. Еще в 1930-е годы один из пионеров в области креолистики Дж. Рейнеке писал: «Почти каждое свойство процесса формирования, ... и функционирования маргинальных языков является предметом споров. Многие необоснованные идеи и расхожие домыслы относительно этих форм речи продолжают существовать» [1]. Подобное положение сохраняется и до настоящего времени. В различных работах не только неоднозначно употребляются такие термины, как «субстрат», «адстрат», «суперстрат», «конвергенция», «интерференция» [2, с. 407—419], но и сам объект исследования, т. е. пиджины и креольские языки различными исследователями зачастую трактуются по-разному [3—14]. Нельзя не согласиться с мнением, что в современной лингвистике «стало модным называть любую нестандартную форму речи пиджином или креольским языком и определять любой процесс сравнительно глубоких изменений в языке как пиджинизацию или креолизацию» [15].

На современном этапе исследований, как представляется, нельзя обойтись без однозначных определений пиджинизации и креолизации языка на основании тех особенностей, которые отличают их от других видов языковых контактов. П и д ж и н и з а ц и я языка — это специфический процесс «столкновения» между языками в определенных условиях, приводящий к резкому сокращению функциональной валентности и редукции на всех языковых уровнях (например, в грамматике — в сторону изоляции) того языка, который занимает доминирующее положение в контакте. На практике пиджинизация языка происходит в тех случаях, когда носители каких-либо языков сталкиваются с необходимостью использовать незнакомый им язык в достаточно ограниченной сфере коммуникации (то-

варооомен, работоторговля, выполнение определенного вида работ и т. д.) в качестве единственного средства коммуникации без правильного и полного овладения соответствующим языком. По мере формирования пиджин усваивается и носителями того языка, на лексической основе которого он формируется, поскольку они видят в формирующемся пиджине единственное средство для поддержания контакта. По отношению к пиджину исходный язык определяется как язык-источник, или базовый язык, язык-лексификатор, ибо словарь пиджина на 90—95% создается на основе лексического материала исходного языка. Следует отметить, что источником в этом случае оказывается не нормированный стандартный язык, а его территориальные или социальные диалекты, с которыми приходится сталкиваться создателям пиджина [2, с. 396—400; 7, с. 16—19, 22; 9, с. 43—44]. После своего создания пиджин становится единственным средством коммуникации в рамках определенной языковой ситуации. Следует подчеркнуть, что выполнять свои функции он может, лишь обладая четкой структурой, высокой степенью стабильности и однозначности [3, с. 113; 16, с. 198]. Этому способствует также и отсутствие непосредственной интерференции, или диффузии, между языком-источником и языком или языками, выступающими в качестве субстратов (автохтонных языков менее престижных языковых общностей, участвующих в контакте). Непосредственный контакт и интерференция между этими языками отсутствуют потому, что каждая из контактирующих сторон владеет своим родным языком и пиджином, но не языком другой стороны [17]. Иными словами, при осуществлении коммуникации посредством пиджина из него исключается весь «отрицательный языковой материал» (по Л. В. Щербе [18]). Наличие такого материала в экстремальных и затрудненных условиях коммуникации делало бы ее совершенно невозможной. В формирующийся пиджин наследуется из языка-источника и в весьма незначительной степени из языков-субстратов только то, что оказывается доступным в условиях ограниченного контакта. Поэтому проникшие в него элементы теряют ту первоначальную социальную значимость, которой они обладают в тех языках, из которых заимствованы [2, с. 407—419].

Любой язык подвергается пиджинизации только при наличии ряда обязательных условий, которые выполняются, как правило, на историческом фоне завоеваний, торговой экспансии или массовых миграций коренного населения. Представляется возможным предложить следующий набор этих условий: (1) неравноправность контактирующих языков (язык-источник занимает более высокий социальный статус, чем субстраты); (2) спорадичность контактов и узость сферы коммуникации, осуществляемой посредством только устной речи; (3) пренебрежительное отношение носителей языка-источника к носителям субстратов; (4) отсутствие социальной потребности у носителей языков-субстратов правильно и полностью изучить язык-источник; (5) отсутствие контактного языка-посредника, который мог бы выступить в качестве средства коммуникации; (6) отсутствие взаимопонимания между носителями языка-источника и субстрата. Как видно, для пиджинизации языка необходимо выполнение достаточно большого набора условий, в связи с чем этот процесс возникает не так часто. Условия, необходимые для пиджинизации португальского, английского и французского языков, возникли на западном побережье Африки вместе с появлением первых рабовладельческих факторий в XV—XVI вв., тогда как к началу более поздней колониальной экспансии их уже не существовало. К этому времени в Африке уже возникла и функционировала достаточно эффективная инфраструктура колониальной

администрации. Поэтому не могло выполняться, в частности, условие (2). Именно поэтому, а не вследствие каких-то особых внутривидовых свойств, немецкий язык в Африке не подвергся пиджинизации. В иной ситуации возникали пиджины и на основе немецкого языка, в частности, на некоторых островах Океании [1, с. 160, 16, с. 63, 64]. При наличии соответствующих условий подвергался пиджинизации русский язык. Такой процесс имел место, в частности, в XIX в. в районе г. Кяхты, лежащего на торговом пути из Китая в Россию [19]. На Кавказе, несмотря на уникальную языковую плотность и многочисленные завоевания, которым он подвергался, условия, необходимые для пиджинизации, никогда не создавались.

Помимо пиджинизации, возможны и другие, существенно отличающиеся от нее механизмы контактов между языками, наблюдающиеся в других условиях и приводящие к иным результатам. В качестве примеров можно привести контактные идиомы типа русско-норвежского «руссенорска» или «недоусвоенные» варианты немецкого языка, так называемые «гаст-арбайтердойч», имеющие хождение в наши дни среди рабочих-иммигрантов различных национальностей в ФРГ [2, с. 438—439]. В структурном отношении такие идиомы, именуемые иногда «жаргонами», существенно отличаются от пиджинов, тем более расширенных пиджинов. Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что эти «жаргоны» могут в конечном счете превращаться в «стабильные пиджины» [1, с. 266—267; 20, 21].

Своеобразной разновидностью языковых контактов, не имеющей никакого отношения к пиджинизации, является интенсивное интерференционное проникновение элементов словоизменительной морфологии из одного языка в другой. В качестве примеров можно привести язык мбугу в Африке [3, с. 243—254] или алеутский язык на Командорских островах [22]. Следует подчеркнуть, что такая разновидность встречается достаточно редко и еще совершенно не изучена.

В процессе пиджинизации любого языка полностью элиминируется словоизменительная морфология (если, конечно, она имеется в исходном языке), в результате чего язык резко меняет свой тип в сторону изоляции. Изменение структуры исходного языка при пиджинизации приводит к тому, что для достижения одних и тех же референционных эффектов в пиджине и в исходном языке используются различные языковые средства [1, с. 135]. Основным средством выражения синтаксических отношений между словами в предложении в пиджинах становится их порядок. Существует мнение, согласно которому порядок слов во всех пиджинах, независимо от свойств исходного языка, имеет вид SVO [10, с. 123]. Наблюдения показывают, что несмотря на тяготение к такому порядку слов, он все же выдерживается не во всех без исключения случаях. В этом отношении наблюдается и определенная зависимость от свойств исходного языка.

Следует отметить, что в ходе полевых исследований чаще всего приходится сталкиваться не с собственно пиджином на его начальной стадии, а с так называемым «расширенным пиджином» [23], т. е. языком с более широкой функциональной валентностью, используемым для межэтнического общения и не родным ни для кого из говорящих на нем. Формирование «собственно пиджина» и переход его в «расширенный пиджин» на какой-то стадии могут происходить одновременно, и их следует рассматривать в динамике [10, с. 147; 24]. Строй расширенных пиджинов тяготеет к изолирующему типу и имеет тенденцию к развитию механизма сло-

восложения. В качестве примеров приведем записи, сделанные исследователями в полевых условиях.

Расширенный пиджин на основе немецкого языка, имевший хождение на некоторых островах Океании: «1) Früher ich war in Alexishafen. 2) Ich gut arbeiten. 3) Ich war noch klein. 4) Ich gehen. 5) Ich dann bleiben. 6) Dann ich grosse mädchen 7) Ich hauskuk bleiben. 8) Ich gut kochen. 9) Dann ich heiraten. 10) Dann diese kriegten kommen, und wir fortlaufen von die festland. 11) Dann wir nach unsere dorf kommen» [16, с. 64]. «1) Раньше я жила (в) Алексисхафене. 2) Я работала хорошо. 3) Я была еще маленькой. 4) Я уехала. 5) Я тогда осталась (там). 6) Потом я (стала) взрослой девушкой. 7) Я осталась дома — готовить. 8) Я хорошо готовила. 9) Потом я вышла замуж. 10) Потом началась эта война, и мы уехали с материка. 11) Потом мы приехали в нашу деревню». Порядок слов в предложениях — SVO и SOV, наблюдается словосложение (*hauskuk, festland*). Расширенный пиджин на основе русского языка, имевший хождение в районе г. Кяхты: «1) За тиби середиза буду. 2) Тута ваша манера бичи еса. 3) Одина шуба ниту, толика одина сукона халаза воротеника меха пришивай еса. 4) За ево маленки куrema поде болешана куrema понеси еса. 5) Тута переза шолека, зада холесета, шолека показывай еса. 6) Поболешане куrema адали ворота не запирай еса» [19, с. 376]. «1) Ты будешь сердиться. 2) Здесь описываются ваши обычаи. 3) Некоторые шуб не имеют, некоторые только пришивают (к) суконному халату меховой воротник. 4) Они носят маленькую поддевку под большой. 5) Там спереди шелк, сзади — холст, шелк только виднеется. 6) Большая одежда не застегивается». В этом случае местоименный субъект всегда вводится с помощью предлога «за». Словоизменение полностью элиминируется. Употребляемая в тексте форма настоящего времени образуется сочетанием словарной формы глагола (оканчивающейся на *-ху, -иза, -и*) и постпозитивного форманта «еса». Порядок слов: SVO и SOV.

Могут создаваться условия, при которых расширенные пиджины из языков межэтнического общения, не родных ни для кого из говорящих на них, превращаются в родные языки каких-либо языковых общностей, т. е. нативизируются. Такие нативизированные расширенные пиджины и определяются как **креольские языки**. В этом случае креолизация определяется как процесс нативизации расширенного пиджина, сопровождающийся еще большим расширением его функциональной валентности и структуры. Выделяются три типа ситуаций формирования креольских языков: 1) креольский язык формируется на основе расширенного пиджина в ходе детрибализации, т. е. образования смешанного этноса (франкокреольские ансьен на Гаити, креоль-сесельва на Сейшельских островах, англокреольский сранан-тонго в Суринаме и др.); 2) креольский язык формируется на основе расширенного пиджина при нативизации последнего без детрибализации отдельных этносов (англокреольские ток-писин в Папуа Новой Гвинее, вес-кос в Камеруне, португалокреольский криоль в Гвинее-Бисау и др.); 3) креольский язык формируется в результате смешения ранее образовавшихся на единой лексической основе креольских языков в ходе вторичного смешения уже ранее креолизованных этносов (англокреольский крио в Сьерра-Леоне) [24—26]. Таким образом, исходным в процессе креолизации всегда является пиджин.

Некоторые лингвисты высказывают мнение о возможности креолизации без предварительной пиджинизации. Такой концепции, в частности, придерживаются М. Аллейн [9, с. 137—138, 144, 219], А. Вальдман [8, с. 105—130], А. Болле [8, с. 137—149], П. Мюльхойзлер [1, с. 221] и др.

Более того, некоторые исследователи рассматривают через призму пиджинизации/креолизации формирование таких языков, как английский [27], индонезийский [7, с. 25] и др. Возникает вопрос, не определяют ли эти авторы как креолизацию любой процесс достаточно интенсивной интерференции? Конечно, креолизация не может протекать без интерференции (в отличие от пиджинизации), но интерференция вполне может протекать и без креолизации. Эти два процесса неидентичны, и их не следует смешивать [28—35].

Сформировавшись, креольские языки не имеют никаких имманентных свойств, препятствующих им выполнять полный объем функций, присущих человеческому языку. Примером тому могут быть некоторые креольские языки, которые в наши дни успешно выполняют функции межнационального языка и языка межэтнического общения в тех странах, где целенаправленно осуществляются соответствующие меры по языковому строительству (англокреольские ток-писин в Папуа Новой Гвинее, сранан-тонго в Суринаме, франкокреольские креоль-сесельва на Сейшельских островах и айсьен на Гаити, португалокреольские языки в Гвинее-Бисау и Кабо-Верде и др.). Однако при этом не следует забывать, что существенное воздействие на развитие того или иного языка и на объем выполняемых им функций могут оказывать субъективные аксиологические факторы, к которым, в частности, относится престижность языка у его носителей. Что касается креольских языков на европейской основе, то именно в этом случае наиболее остро ощущается отрицательное воздействие их «колониального» происхождения. Низкому социальному престижу этих языков в немалой степени способствовала и лингвистическая некомпетентность их первых исследователей, как правило, христианских миссионеров. Эти люди зачастую описывали креольские языки лишь как курьезное, достойное осмеяния явление. Так возникали социальные предрассудки, на основании которых считалось, что креольские языки как таковые выступают в качестве препятствия для интеллектуального развития личности [3, с. 109]. На основании именно таких предрассудков в 1953 г. было принято приговорное и практически невыполнимое решение Совета по опеке ООН, призывавшее «искоренить» язык ток-писин в Папуа Новой Гвинее ([36], ср. [37]). Можно лишь выразить удовлетворение по поводу того, что за прошедшие с того времени десятилетия отношение как к самим креольским языкам, так и к важности их изучения в значительной степени меняется.

Структурные изменения языка (точнее, его диалектов) в процессе пиджинизации/креолизации наглядно видны при сопоставлении друг с другом как отдельных креольских языков, так и этих языков с их языками-источниками. Различия между языком-источником и образовавшимся на его основе креольским языком настолько велики, пути их развития настолько несхожи, что они могут рассматриваться лишь как две различные системы, а не как система (язык-источник) и подсистема (креольский язык). Между тем именно с таким подходом приходится сталкиваться в некоторых исследованиях [24]. Сопоставление может быть адекватным только в том случае, если с креольским языком будет сопоставляться не стандартный язык-источник в его синхронном состоянии, а его территориальные и социальные диалекты, отнесенные к периоду пиджинизации и креолизации языка. Следы этих диалектов прослеживаются на многочисленных примерах. Так, например, во многих англокреольских языках имеется служебное глагольное слово *don* с перфективным значением, восходящее к английской производной словоформе *done*, которая в диалектах употреблялась самостоятельно для передачи того же значения, а во франкокре-

ольских имеется слово *тип* в значении «кто-то», восходящее к французскому *monde*, которое в диалектах употреблялось с тем же значением.

То обстоятельство, что от 80 до 95% основного словарного состава креольского языка образовано на лексическом материале языка-источника, позволяет устанавливать между ними систематические соответствия на лексическом и фонологическом уровнях. Это дает возможность постулировать наличие между ними генетической связи (в понимании Дж. Гринберга), т. е. сходства в звучании и значении корневых и некорневых морфем, а также не считать креольские языки более «смешанными», чем все остальные некреольские.

Наблюдения показывают, что многие изменения, наблюдаемые на уровне фонологии, заложены в качестве тенденций уже в самом языке-источнике и проявляются на его периферии. В диалектах они реализуются частично, а в креольском языке находят более последовательное и полное выражение. Фонологические изменения, происходящие в процессе пиджинизации/креолизации, могут быть выражены посредством формулы: $DL_T \left\{ \frac{a > b}{p} (Ad) \right\} K_T$, которая показывает, что фонема /a/ соответствующего диалекта D языка-источника L на временном срезе T соответствует в позиции p фонеме /b/ в креольском языке K на временном срезе T_1 , т. е. в момент проведения исследования. Принимается во внимание также и возможное интерференционное воздействие со стороны языка или языков-адстратов (Ad). Практическая трудность заключается в том, что не всегда представляется возможным с достаточной степенью достоверности определять показатели D, T, Ad. В процессе пиджинизации/креолизации, несмотря на изменения, определяемые по приведенной формуле, сохраняются существенные особенности фонологической системы языка-источника. Так, например, во франко- и португалокреольских языках сохраняется фонологическая оппозиция гласных по назализованности — неназализованности, свойственная французскому и португальскому языкам. В то же время в англокреольских языках гласные назализуются лишь позиционно вследствие отсутствия подобной фонологической оппозиции в английском языке (и его диалектах), хотя подобная оппозиция имеется во многих языках-адстратах. В португалокреольских языках нашла отражение редукция безударных гласных, которая происходила наиболее интенсивно в португальском языке и его диалектах в период, относящийся к пиджинизации/креолизации; ср., например: португ. *esquecer* «забыть» — гвин. креол. *skise*; португ. *camisa* «рубашка» — гвин. креол. *kamiz*; португ. *carregar* «приносить» — гвин. креол. *karga* и т. д. В англокреольских языках, возможно, при резонансном воздействии со стороны языков-адстратов, нашла отражение тенденция к эпентезе гласных между некоторыми скоплениями согласных, характерная для ряда английских диалектов и просторечия. Например: англ. *people* [pi:pl] «народ; люди» — крио *pipul*, англ. *stone* [stoun] «камень» — вес-кос *siton* и т. д. Во французском языке в период пиджинизации/креолизации в начальной позиции существовала фонема /h/, которая впоследствии элиминировалась в стандартном языке. Это находит отражение в современном состоянии ряда креольских языков, например: франц. *hacher* «рубить», *haut* «высокий», *happer* «хватать» тринидадский *haše*, *ho*, *hape*.

Наряду с сохранением ряда фонологических свойств языка-источника в креольских языках также проявляются некоторые черты, свойственные адстратам, например: элиминирование фонологического противопоставления гласных по долготе — краткости, тенденции к сингармонизму в пре-

делах слова и фразы [28, с. 85—87], палатализации согласных [29, с. 49]. В процессе пиджинизации/креолизации остается без изменений также и фонологическая избирательность, присущая исходным языкам. Как известно, для таких языков, как португальский, английский и французский, характерно словоопознавательное и словоразличительное ударение, не свойственное языкам изолирующего типа. Несмотря на изменение строя языка при пиджинизации/креолизации, эти два типа ударения в креольских языках сохраняются без изменений. Тенденции к изменению фонологической избирательности могут проявляться лишь на периферии. В литературе имеются указания на наличие тоновых фонологических оппозиций в англокреольском языке сарамакка, распространенном на части территории Суринама [30] и на периферии англокреольских языков крио [31] и вес-кос [32]¹. Можно предположить, что в некоторых креольских языках проявляется тенденция к еще не четко выраженным изменениям в плане фонологической избирательности.

Резкий разрыв между креольскими и базовыми языками наблюдается в сфере словоизменительной морфологии. Как уже говорилось, характерной чертой механизма пиджинизации является полнейшее элиминирование словоизменения. Образование аналитических конструкций становится, таким образом, характерным свойством креольских языков. Как правило, служебные компоненты аналитических конструкций создаются на лексическом материале языков-источников, тогда как семантика выражаемых ими частных грамматических категорий подвергается существенным типологическим изменениям. В этом случае определенная роль принадлежит воздействию языков-адстратов. Так, например, в португало-, англо- и франкокреольских языках, в отличие от их языков-источников, грамматическое выражение имеет только указательная, дистрибутивная и репрезентативная множественность, в то время как нейтрализуется оппозиция «единичность — простая множественность»². Например: крио *I get boku b r o d a*; *As i de go, i mit in b r o d a d e n* «У него есть много братьев. Когда он пошел, он встретил своих братьев (этих самых)»; вес-кос *Na J i s o s d e n de fo tebu, J i s o s se simol tam den no go luk am* «Когда Иисус (с учениками), сидел за столом, Иисус сказал, что вскоре они его не увидят»; айсен *M a d o y o ale benyen* «Мад (с подругами) пошла купаться»; сесельва *Li al vwar tu b a n n marsan* «Он обошел всех купцов (определенных по контексту)»; *B a n n R e n e res pre-kot ni* «Рене (с семьей) жил рядом с нами», и т. д. «Смешанность» креольских языков как раз и состоит в том, что некоторые значения частных грамматических категорий заимствуются из языков-адстратов. Однако вполне понятно, что смешение в этом случае носит типологический, но никак не генетический характер.

В процессе креолизации расширенного пиджина в нем возникает и развивается словообразовательная система. Как известно, наиболее продуктивным видом словообразования в языках, тяготеющих к изолирующему типу, является словосложение. При креолизации развитие системы словообразования во многом зависит от степени контактов формирующегося языка с другими, в которых такая система имеется. В рассматриваемых нами случаях франко- и португалокреольские языки находились под более сильным влиянием со стороны соответственно французского и порту-

¹ Данные, полученные автором при работе с информантами, ставят под сомнение наличие фонологических тоновых оппозиций в крио и вес-косе.

² С аналогичным явлением приходится сталкиваться в ряде западноафриканских языков и языков Океании [33; 29, с. 98—120].

гальского, чем англокреольские — со стороны английского [9, с. 63, 226]. Таким образом, словосложение более продуктивно в англокреольских языках, а деривация — в португало- и франкокреольских. В системе словосложения во всех креольских языках преобладают двухкомпонентные атрибутивные модели, например: крио *wasos* «ванная комната (*was* «мыть», *os* «помещение») вес-кос *bathat* «злоба» (*bat* «быть плохим» *hat* «сердце»), ток-писин *hauspera* «учреждение» (*haus* «дом», *pera* «документ, бумага»), тринидадский *bonbuš* «лесть» (*bon* «быть хорошим», *buš* «рот»), айсьен *yefo* «жадность» (*ye* «глаз», *fo* «сила») и т. д. Широко распространена в креольских языках редупликация синтаксическая и словообразовательная, в основном используемая для усиления значения. Примеры словообразовательной редупликации: крио *bega* «просить» — *begabega* «попрошайничать», ток-писин *lukim* «смотреть» — *luklukim* «внимательно следить», айсьен *koze* «разговаривать» — *kozkoze* «болтать», вес-кос *trong* «быть сильным» — *trongtrong* «быть расшвырнутым» и т. д.

В системе деривации аффиксы, как правило, непосредственно заимствуются из базового языка или формируются на его лексическом материале. Представляется возможным выделить три группы аффиксов:

1) аффиксы, сформированные непосредственно в креольском языке на лексическом материале языка-источника: вес-кос *tri* «три» — *tritali* «тридцать» (от англ. *tally*), ток-писин *long* «быть длинным» — *longpela* «длинный» (от англ. *fellow*), *kirap* «просыпаться» — *kirapim* «будить» (от англ. *him*), сранан-того *langa* «быть длинным» — *langawan* «длина» (от англ. *one*), сейшельский *se* «сестра» — *tise* «сестричка» (от франц. *petit*) и т. д.;

2) аффиксы, заимствованные из языка-источника с расширением продуктивности: сранан-тонго *tranga* «быть сильным» — *trangameng* «насилие» (от англ. *-ment*), сейшельский *job* «работа» (от англ. *job*) — *jobe* «работать» (от франц. *-er*), крио *ej* «возраст» — *ejebul* «престарелый» (от англ. *-able*), *sak* «пьянствовать» — *saka* «пьяница» (от англ. *-er*), айсьен *suwan* «быть частым» — *suwanman* «частота» (от франц. *-ment*) и т. д.;

3) аффиксы, вычленяемые в заимствованных из языка-источника словах-дериватах, но продуктивно не употребляющиеся: крио *sevun* «семь» — *sevunt* «седьмой» (от англ. *-th*), франкокреольские языки: *twa* «три» — *twa-zyet* «третий» (от франц. *-sième*) и т. д.

В некоторых случаях в деривационной системе креольского языка могут образовываться лакуны, требующие заполнения. Например, во франкокреольских языках вследствие дефонологизации произошло слияние глагольного инфинитивного суффикса *-er* и именного суффикса деятеля *-eur*. В языке айсьен эта лакуна была заполнена посредством заимствования испанского суффикса деятеля *-ador*³ и английского полусуффикса *-man*: *gwog* «вино» — *gwogman* «пьяница», *bos* «повозка» — *bosman* «кучер», *bliye* «забывать» — *bliyado* «забывчивый человек», *fimen* «курить» — *fimadol* «курильщик» и т. д.

Интересно отметить, что не зарегистрировано ни одного случая заимствования аффиксов из местных языков-адстратов, занимающих в данных ситуациях более низкое социальное положение, чем европейские языки. Все неодноморфемные слова из этих языков заимствуются в креольские языки как одноморфемные.

Полное элиминирование словоизменительной парадигматики, элементы которой проникли лишь в некоторые португалокреольские языки под влиянием португальского, приводит к расширению синтаксической валент-

³ Устное сообщение В. Г. Гака.

ности некоторых классов слов и размыванию четких границ между этими классами. Вследствие этого количество формально выделяемых классов слов в креольском языке и его языке-источнике может не совпадать. Например, в тех креольских языках, в которых традиционные прилагательные обладают предикативностью, нет формальных оснований для выделения их в отдельный класс. Отсутствие словоизменительной парадигматики делает возможным объединять их и глаголы в один класс слов.

В синтаксическом плане большое распространение в креольских языках имеет сериализация, приводящая к образованию так называемых «глагольных цепочек» — линейных последовательностей глаголов, образующих формально и семантически единое целое, например: крио *I d e - w a k a g o - r o n - j o m p s o t e i r i c w a t a s a i* «Он (формант длительности)-б р е л - ш е л - б е ж а л - п р ы г а л, пока (не)) достиг реки»; айсьен *M a m a n t w e n t e - v i n - r i v e - s o t l a v i l* «Моя мать (временной формант)-п р и ш л а - п р и б ы л а - у е х а л а (т. е. приехала и уехала) (из) города»; гвинейск. *L u b i r i n k a - k u r i - b i n g t e r k u L e b r i* «Гвиена п р и ш л а - п р и б е ж а л а - п р и б ы л а быстро к Зайцу» и т. д. По мнению некоторых исследователей [29, с. 250—268], сериализация в креольских языках объясняется воздействием языков-адстратов. Нельзя отрицать возможность такого воздействия. Однако правомерно предположить, что сериализация (широко распространенная, в частности, во многих языках Африки и Юго-Восточной Азии) является одним из типологических свойств языков, тяготеющих к изоляции. В таком случае можно говорить о ее возникновении в креольских языках при резонансном воздействии со стороны некоторых языков-адстратов.

Единый механизм процесса пиджинизации/креолизации языков позволяет поставить вопрос: можно ли на синхронном уровне типологически выделять креольские языки в отдельную группу. На этот счет существуют противоположные точки зрения. Согласно одной из них, такая типологическая группа не может быть выделена, поскольку для этого нет достаточных оснований: различные креольские языки, даже восходящие к одному и тому же источнику, могут обладать различными свойствами [1, с. 307—308; 2, с. 393—397; 9, 11]. Различия в свойствах креольских языков объясняются следующими обстоятельствами: а) типологическими различиями исходных языков, 2) различиями в путях внутреннего развития отдельных креольских языков, 3) интерференционным воздействием со стороны типологически различных языков-адстратов [28, 29]. Данная точка зрения подтверждается многочисленными примерами при конкретном изучении отдельных креольских языков и сопоставлении их свойств. Так, если для большинства креольских языков характерно отсутствие словоизменения, то оно в ограниченном объеме имеется в португалокреольских языках Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде (по крайней мере, в отдельных их диалектах). В англокреольских языках Карибского бассейна наблюдаются существенные различия в выражении частных грамматических категорий глагола, причем одинаковые форманты и аффиксы в разных языках имеют различное употребление и обладают различными значениями [7, с. 164]. Система деривации, продуктивная в одних креольских языках, почти полностью отсутствует в других. Нормативный порядок слов SVO характерен далеко не для всех расширенных пиджинов и креольских языков.

Согласно второй точке зрения, структура креольских языков соответствует набору специфических универсалий, который Д. Бикертон определил как «естественный семантакс» [10, с. 5]. Постулируется наличие в человеческом мозгу определенной биопрограммы, т. е. врожденных язы-

ковых универсалий [24—26]. При этом, как представляется, логические универсалии отождествляются с синтаксическими. С этой точкой зрения в известной степени созвучна и предложенная ранее так называемая моногенетическая гипотеза, согласно которой креольские языки, возникшие в бывших колониях на основе европейских языков, имеют единое происхождение, сопровождавшееся «релексификацией» [1, с. 107; 3, с. 293—296; 34, 35]. Следует отметить, что в ходе конкретных исследований отдельных креольских языков и сопоставления их друг с другом не удается однозначно подтвердить наличие постулируемых Д. Бикертоном универсалий (или хотя бы фреквенталий), на основании которых можно было бы экспериментально подтвердить наличие «биопрограммы» [11]. Что касается более частного вопроса о моногенезе определенной группы креольских языков, то здесь, как представляется, не учитывается то, что «выбор слова невозможен безотносительно к конструкции, задающей его синтаксические характеристики», равно как и «выбор конструкции неосуществим без предварительной фиксации лексических элементов» [38]. Представляется, что ни одно из этих положений не выполнялось бы при допущении «релексификации». При рассмотрении процесса формирования креольских языков можно, по-видимому, говорить об однотипности механизма, но никак не об однотипности результата. Иными словами, отнесение конкретного языка к креольским возможно лишь при рассмотрении его в диахронии. При рассмотрении же языка в синхронии, без учета истории его формирования, вряд ли возможно выделить набор типологических свойств, который однозначно позволял бы отнести его к креольским [39, с. 180].

ЛИТЕРАТУРА

1. Mühlhäusler P. Pidgin and Creole linguistics. Oxford, 1986.
2. Typologische Aspekte der Sprachkontakte/Hrsg. von Ureland P. S. Tübingen, 1982.
3. Pidginization and creolization of languages / Ed. by Hymes D. Cambridge, 1971.
4. Pidgin and Creole linguistics / Ed. by Valdman A. Bloomington — London, 1977.
5. Theoretical orientations in Creole studies / Ed. by Valdman A., Highfield A. L., 1980.
6. Heine B. Pidgin-Sprachen in Bantu Bereich. Berlin, 1973.
7. LePage R. B., Tabouret-Keller A. Acts of identity: Creole-based approach to language and ethnicity. Cambridge, 1985.
8. Langues en contact — Pidgins-Créoles. / Ed. par Meisel J. W. Tübingen, 1977.
9. Alleyne M. C. Comparative Afro-American. Ann Arbor, 1980.
10. Issues in English Creoles / Ed. by Day R. Heidelberg, 1980.
11. Substrata versus universals in Creole genesis / Ed. Muysken P., Smith N. Amsterdam—Philadelphia, 1986.
12. Pidginization and creolization as language acquisition / Ed. by Andersen R. W. Rowley, 1983.
13. The social context of creolization / Ed. by Woolford E., Washbaugh W. Ann Arbor, 1983.
14. Developmental mechanisms of language / Ed. by Bailey C.-J. N., Harris R. Oxford, 1985.
15. Contemporary studies in Romance linguistics. Washington, 1978. P. 356.
16. Molony C., Zobl H., Stoltung W. Deutsch im Kontakt mit anderen Sprachen. Kronberg, 1977.
17. Дьячков М. В. Пиджинизация и последующая креолизация как специфическая разновидность языковых контактов / Под ред. Дешериева Ю. Д. // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975. С. 50.
18. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М. — Л., 1974. С. 36.
19. Черепанов С. И. Кяхтинское китайское наречие русского языка // ИОРЯС. 1853. Т. 2. Вып. 10.
20. Bollée A. Le créole français des Seychelles. Tübingen, 1977.
21. Broch I., Hakon E. Russenorsk. Et pidginsprak i Norge. Oslo, 1981.
22. Вахтин Н. Б. Некоторые особенности русско-алеутского двуязычия на Командорских островах // ВЯ. 1985. № 5.

23. Todd L. Pidgins and Creoles. London — Boston, 1974. P. 5.
24. Bickerton D. Dynamics of a Creole system. Cambridge, 1975.
25. Bickerton D. The roots of language. Ann Arbor, 1981.
26. Bickerton D. The language bioprogram hypothesis // The behavioral and brain sciences. 1984. V. 7.
27. Poussa P. The evolution of early standard English: The creolization hypothesis // Studia Anglica Posnaniensia. 1982. XIV. P. 69—95.
28. Tinelli H. Creole phonology. The Hague—Paris — New York, 1981.
29. Boietzky N. Kreolsprachen, Substrate und Sprachwandel. Wiesbaden, 1983.
30. Hall R. A. Pidgin and Creole Languages. Ithaca—London, 1969. P. 17.
31. Berry J. A. Note on Krio tones // African language studies. 1970. XI. P. 60—62.
32. Gilman Ch. A. Comparison of Jamaican Creole and Cameroonian Pidgin English // English Studies. 1978. V. 59. № 1.
33. Goodman M. F. A comparative study of Creole French dialects. The Hague, 1964. P. 46.
34. Hesseling D. Het Afrikaans. Leiden, 1923.
35. Whinnom K. // The origin of the European-based Creoles and Pidgins // Orbis. 1965. 14.
36. Дьячков М. В., Леонтьев А. А., Торсуева Е. И. Язык ток-писин. М., 1981. С. 13.
37. Алексеев М. П. Русский язык в мировом культурном обиходе // ВЯ. 1984 № 2. С. 7.
38. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 290.
39. Теоретические основы классификации языков мира / Под ред. Ярцевой В. Н. М., 1980. С. 180.